УДК 902.3 DOI 10.25986/IRI.2024.96.2.012

Л. А. Беляев
Институт археологии РАН, Москва, СЗИУ РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия. labeliaev@bk.ru
А. Л. Корзинин
СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия. alex.kor77@gmail.com
С. Г. Шуляев
Институт археологии РАН, Москва, Россия. firangel@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЯ СЕМЬИ ЗАХАРЬИНЫХ В СОБОРЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ В XVI в.

В фокусе внимания статьи находятся погребения лиц из старомосковского боярского рода Захарьиных-Юрьевых в Московском Новодевичьем монастыре. В подклете Смоленского собора обители вдоль поперечного восточного нефа археологически изучены захоронения Ирины (в иноках Александры) Захарьиной, вдовы боярина Юрия Захарьича, ее сына Григория Юрьевича Захарьина и его жена Ульянии. Наибольшую трудность вызывает соотнесение погребения Ирины (Александры) Захарьиной, самого раннего из известных нам захоронений в монастыре, с историей строительства Смоленского собора. Закладка каменного собора на основании данных архитектурной археологии датируется концом 1540-х гг. Однако погребение Ирины Захарьиной в подклете храма было совершено в конце марта 1533 г.
Ключевые слова: Московский Новодевичий монастырь, коммеморация, монастырская археология, ономастика, генеалогия, род Захарьиных-Юрьевых, Русское государство XVI в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00416 «Правящая элита Русского государства XV–XVI вв. в фокусе коммеморативных практик. Традиции родовой памяти».

Авторы сердечно благодарят Ф. Б. Успенского (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) и С. Ю. Шокарева (Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС) за ценные замечания и наблюдения, которые помогли в работе над данной публикацией.

В ходе реставрации Новодевичьего монастыря Институт археологии РАН в 2017 г. создал для участия в работах специальную археологическую экспедицию. Среди ее задач было изучение некрополя в подклете Смоленского собора. Это впервые дало возможность натурной фиксации погребальных комплексов и поставило в повестку дня их углубленный исторический анализ. Его проводили частями, по семейным участкам, отдельным погребениям и топографическим группам, привлекая для изучения генеалогии историков[1]. Данная статья – очередная в серии. Посвящена она погребениям семьи Захарьиных-Юрьевых, рода Кошкиных, который в будущем даст царскую ветвь Романовых. Роль этих погребений для понимания раннего развития некрополя, а также для истории строительства каменного собора может оказаться ключевой, и мы уделяем им особое внимание.

Торжественный обет воздвигнуть Девичий монастырь в Москве на посаде Василий III дал после завоевания Смоленска, о чем сохранилось упоминание в записи великого князя от июня 1523 г., скрепленной печатями Василия III и митрополита Даниила: «Да коли есми з б(о) жіею волею достал своеи *от*чины, города Смоленьска и земли Смоленьскіе, и ѣаз тогды обѣщал поставити на М*ω*сквѣ на посаде Д(ѣ)вичь манастырь, а в не*м* хра*м* во има Пр(е)ч(и)*с*тые да Происхож*д*еніе ч(е)*с*тнаго кр(е)*с*та»[2].

Нужно отметить, что первый этап развития монастыря, примерно до 1540-х гг., мы все еще видим очень неясно. Не вполне понятны причины долгой отсрочки в исполнении данного

[1] Предварительный обзор: [Беляев, Григорян, Шуляев].
[2] ДДГ. № 100. С. 415.

государем Василием III Ивановичем обета, связанного со взятием Смоленска (1514 г.). Внезапное и поспешное возвращение к нему в 1523 г. исследователи склонны объяснять тем, что обитель предназначалась для первой жены великого князя московского Василия III Соломонии Сабуровой [Корзинин, 2021, с. 8–9]. Действительно, Соломония Юрьевна отказалась покориться воле мужа, ее насильственно постригли[3], а позже выслали в Покровский монастырь в Суздале, где она и скончалась (16 декабря 1541 г.) [Матасова].

Вероятно, каменный храм в Новодевичьем монастыре начали строить позже, но время и обстоятельства его закладки рисуются довольно смутно [Баталов].

Среди многих вопросов есть один, который до сих пор всерьез не ставили. Это вопрос о погребенных в монастыре за первые 10–20 лет его существования. Ведь древнейшая известная нам эпитафия относится только к 1533 г. и фиксирует смерть Ирины (в схиме Александры) Захарьиной, урожденной Тучковой Морозовой. Но это вызывает новые вопросы: плита лежит в подклете каменного собора, который, парадоксальным образом, считается сооруженным *позже* 1533 г. Его дата, если полагаться на архитектурную археологию, не должна опускаться ниже конца 1540-х гг.; по крайней мере, должна остаться в пределах этого десятилетия.

Мы не знаем, кого похоронили в монастыре между 1523 и 1533 гг., а между 1533 и концом 1540-х гг. мы знаем только четыре надписи. Первый (до 1533 г.) слой некрополя представлен пятнами могильных перекопов, которые перерезаны фундаментами каменного храма и надгробиями с характерным орнаментом, вторично использованными в кладке ленточных фундаментов. Кроме Ирины (Александры) Захарьной (1533 г.) учтены еще трое погребенных: в 1537 г. княгиня Ульяния (Евпраксия) Кубенская (плита и саркофаг); в 1540 г. инокиня Евсевия (плита, положенная при реставрации XIX в. (?) на саркофаг царицы-инокини Леониды Шереметьевой вместо крышки[4]) и в 1546 г. князь Иван Иванович Кубенский (плита и саркофаг) [Беляев, Шокарев, Шуляев, 2021]. В литературе с конца XVIII в. встречались упоминания о надписи 1504 г. – явный анахронизм, вызванный ошибкой чтения[5]. Эти четыре даты (1533, 1537, 1540, 1546 гг.) маркируют второй хронологический слой погребений в монастыре. Нет особых оснований полагать, что они совершены до постройки каменного собора – в противном случае придется ставить вопрос о том, что сын и мать Кубенские были помещены в подклет после постройки каменного собора в конце 1540-х гг., а до этого лежали где-то еще.

С начала 1550-х гг. надписей становится больше: формируется новый, третий слой погребений, совершаемых, уже без всякого сомнения, внутри подклета. Два погребения Захарьиных из трех прекрасно укладываются по всем параметрам в рамки третьего, основного, горизонта ранних погребений (Рис. 1). При этом появление возле ключевого надгробия Ирины (Александры) ее сына Григория Юрьевича († 1556 г.) и его жены Ульянии († 1563 г.) легко объяснимо родственной связью матери с сыном и снохой.

Эти три погребения, пожалуй, самые известные в подклете. Они есть во всех списках некрополя. На них обращали особое внимание уже в силу знатности рода, а также потому, что два погребения, Ирины и Григория, отмечены брусковыми намогильными памятниками. Еще

[3] В монастыре Рождества Богородицы на Рву в Москве, 25 ноября 1525 г. (см.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 15).

[4] Идентификация погребения после раскопок вызвала серьезные сомнения (см.: [Беляев, Григорян, Шуляев, с. 119; Шокарев, с. 44]).

[5] «Лета 7011, февраля в 10 день, преставися раб божий Василий Иванович сын Назовлов, во иноцех Макарий» (см.: Надписи, находящиеся в Новодевичьем Московском монастыре в церквах и разных местах над умершими // Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 19. С. 301; *Гиршберг В. Г.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. № 13. С. 17). С. Ю. Шокарев полагает, что надпись принадлежала дьяку Василию Ивановичу Низовцеву, который умер гораздо позднее. Благодарим Сергея Юрьевича за эти сведения и ожидаем его публикации.

один такой памятник есть в соседнем с запада ряду, над князем Иваном Кубенским († 1546 г.), причем над его матерью положена плита, типологически близкая к брусковым: узкая и без орнамента, но не прямоугольная, а в форме трапеции.

Брусковые плиты не встречены более ни в монастыре, ни в Москве вообще. Это заставляло думать, что они появились позже указанных на них дат, были все вместе переоформлены [Кавельмахер]. В последние десятилетия нами встречено достаточно примеров переноса старых эпитафий на новые камни, причем они есть и в Новодевичьем монастыре [Беляев, Савельев; Беляев, 2018; Беляев, Корзинин, 2022, с. 129–130]. Но в нашем случае это сомнительно. Хотя брусковые надгробия схожи между собой по форме и отсутствию орнамента, надписи их нарезаны в совершенно разной манере. Так, на плите князя Ивана Кубенского применили обронную резьбу с характерной вязью и даже нарезали процветший крест (на горизонтальные грани плит XVI–XVII вв. его не наносили). Возможно, появление брусковых надгробий объясняет простейшая причина: плиты лежат в проходе северного нефа, типовые камни XVI в. здесь поместятся с трудом, придется идти по ним или рисковать повредить ноги в узких щелях (даже сейчас между камнями промежутки небольшие)[6]. Надписи на всех плитах выполнены хорошими мастерами, но разной квалификации, работавшими в разной манере. О том, что брусковые камни не одновременны и что это не позднейшие копии, говорит и облик плиты Ульянии Захарьиной 1563 г. Это вполне типовое изделие середины XVI в. с характерным орнаментом и надписью.

Все три плиты выложены вдоль поперечного восточного нефа (Рис. 2а). Его ширина позволяла сформировать два ряда погребений, и группа Захарьиных начинает западный ряд как самая северная в нем. Хоронили Захарьиных последовательно, с юга на север (как и положено в московском храме), от могилы Ирины к могиле Ульянии. Но именно поэтому локус могилы Ирины мало объясним с точки зрения топографии: обычно погребения двигались от одной из стен или углов, а не от середины нефа. Кроме того, в подклете развитие идет не традиционно, от юго-западного угла, а от противоположного, северо-восточного.

* * *

До сих пор мы описывали то, что можно было видеть, не вскрывая полов. Но наблюдения ниже их уровня позволили узнать, как погребальные комплексы выглядят под землей[7]. Оказалось, что стратиграфическая связь надгробий с могилами почти разорвана: практически все плиты лежат в уровне реставрационного пола XX в. и слоя, выложенного в 1870-х гг. (кирпич с клеймом известного завода А. Гусарева), по песчано-щебневой, пролитой цементом, подготовке, которая насыпана на темно-коричневый слой строительного перекопа, насыщенного боем кирпича, камня и раствора. Иными словами, верхний слой – сплошной ремонтный перекоп и подсыпки, которые полностью отрезают уровень надгробий от уровня погребений.

Существенный элемент стратиграфии – фундаментные ленты, соединявшие столбы друг с другом и с тремя (кроме западной) стенами четверика. Эти ленты неизбежно прорезали или перекрывали погребения, совершенные до постройки каменного храма. В свою очередь, ленты эти сильно повреждены более поздними захоронениями. Дата лент не до конца установлена, но они не могут быть слишком поздними и, скорее всего, появились вскоре после постройки

[6] Вопросу о брусковых надгробиях мы уделили внимание раньше (см.: [Беляев, Григорян, Шуляев]), здесь его подробно не разбираем.

[7] Однако могил мы не вскрывали, приняв в качестве этической нормы не вторгаться в погребения без технической (реставрационной) необходимости.

При фиксации каждый элемент нумеровали отдельно, и при описании ситуации эта нумерация, отраженная в отчете, сохраняется.

собора или даже составили дополнительную стадию в ходе строительства [Беляев, Григорян, Фролов, Шуляев]. Ранние слои почти не сохранились – их разрушали могильные ямы от начала существования монастыря до XVII в. (местами и позже). Хотя самая нижняя часть слоя, примерно с уровня саркофагов, уцелела, но она сформирована множественными перекопами XVI–XVII вв. В результате стратиграфия и планиграфия подклета – и в том числе поперечного восточного нефа – довольно сложны. То, что при раскопках погребения целиком сохранялись, делает их разбор особенно сложным.

Начнем с юга, от строго датированного саркофага (объект 72), маркированного лежащей над ним надгробной плитой княгини Ф. А. Голицыной († 1655 г.). Под саркофагом ясно просматривается яма более ранней могилы (объект 162) с неизвестной датой. Эта могила входит в ряд погребений (объекты 148, 149), лежащих на том же уровне. Они очень похожи визуально: в слое могильного перекопа читаются контуры деревянных гробов и выглядывают из засыпки черепа (на их уровне раскопки были остановлены). Два полностью наблюдаемых гроба в плане трапециевидные, сужены к ногам; один (объект 148) сильно расширен к изголовью, у другого (объект 149) изголовье сужено, что усиливает антропоморфизм. Склепов у погребений не было, надгробных сооружений над ними мы также не видим.

Эти погребения лежат на месте разобранной фундаментной ленты, которую прорезают. Очевидно, что объекты появились раньше 1655 г. Но насколько раньше? В их заполнении строительные материалы представлены, но не так обильны. Гробы на уровне зачистки читаются не в чистом материке, а в светло-серой засыпке, с небольшой строительной примесью. Что это – очень крупная ранняя могильная яма или край обширного раннего перекопа – неясно (Рис. 3).

Для нашего сюжета этот вопрос не был бы существенным. Но край этой крупной ямы с севера перерезан еще одной могилой (соответственно, несколько более поздней, хотя, видимо, и ненамного). Эта могила (объект 150) – предполагаемое погребение Ирины (Александры) Захарьиной. Та единственная могила, которая локализуется (пусть не вполне строго) под плитой с ее эпитафией (объект 70). На этой надписи (см. ниже) и держится идентификация погребения. Стоит отметить, что под восточной частью плиты, ниже пола, с южной стороны, сохранялись три ряда кирпича (размер 22 × 10 × 4 см) на плашку, на растворе извести, вероятно, положенные как опора. Если полагать, что они одновременны моменту появления надгробия, то сооружение, согласно сегодняшним представлениям о размерах кирпича XVI в., придется на эпоху расцвета строительства Ивана Грозного в конце 1550-х – 1560-е гг.

Сама могила чрезвычайно похожа на три вышеописанные: гроб лежит в том же уровне, заполнение почти такое же (хотя строительных остатков почти нет – возможно, потому, что могила выкопана уже за пределами фундаментной ленты). Гроб (или колода) по форме очень близок соседнему с юга объекту 149: в зачистке на уровне фиксации деревянный тлен рисует контур, сильно расширенный в плечах, несколько суженный в изголовье и резко – к ногам (Рис. 4 и 5). Его максимальные размеры: 1,82 × 0,5 м.

Объект 150 очень похож на погребения к югу от него. Но есть ряд отличий. Прежде всего – ориентировка. Ось этой могилы отклонена на северо-восток, что типично для храмов Москвы, поставленных в свободном пространстве, до формирования улично-дорожных линий и границ владений. Под тем же углом, что у объекта 150, к северо-востоку от него фиксируется еще одна могила (объект 83), лежащая почти по диагонали четверика. Однако она, в свою очередь, перекрыла могильную яму (объект 147) с обычной, по оси подклета, ориентировкой. Видимо, эти две «диагональные» могилы появились тогда, когда подклет уже существовал, поскольку ниже одной из могил лежит объект 147 – могила с ориентировкой по оси подклета. Тогда как объяснить отклонение? Непосредственно к северу, вдоль полосы тлена, проходит край

белокаменного саркофага Г. Ю. Захарьина, их линии совмещены. Саркофаг сужается к ногам, и, хотя лежит строго по оси подклета, его боковые стенки отклонены, что могло определить ориентацию деревянного гроба. Правда, такое объяснение исходит из того, что мать похоронили (или перезахоронили) позже сына. Если же представить последовательность погребений согласно хронологии надписей, то, вероятно, копавшие могилу Г. Ю. Захарьина открыли край гроба матери (сравнительно сохранного?) и положили саркофаг тесно к нему. В этом случае нужно полагать, что могила (объект 150) принадлежит к погребениям, которые совершены до постройки каменного собора (Рис. 2в, г).

При анализе ситуации стоит обратить внимание на сочетание погребений Захарьиных с фундаментными лентами. Дело в том, что саркофаги в 1530–1550-е гг. ставили так, чтобы не задеть фундаментных лент. Могли чуть подрубить их край, но в целом саркофаги вписывали в свободные ячейки очень аккуратно. Саркофаги Г. Ю. Захарьина и его жены стоят в свободной северо-восточной ячейке.

В отношении же гроба, который мы относим к Ирине (Александре) Захарьиной (объект 150), вопрос не так прост. Его юго-западный угол уходит под край северо-восточной ленты. Но сама эта линия здесь проводится только гипотетически, она могла проходить чуть севернее или чуть южнее, на разных уровнях меняться, постепенно отступая к югу (поскольку ров у дна мог сужаться). Можно предположить даже, что ленту в этом месте сделали несколько уже, чтобы обойти уже существовавшую могилу Ирины Захарьиной. Прорублен край ленты при совершении погребения объекта 150 или угол этого объекта просто упирался в ее кладку, понять трудно. Если принять за верное, что объект 150 перерезает слой перекопа, в который утоплена могила (объект 149), то он позже, чем объект 149, и, следовательно, может принадлежать периоду, когда о лентах начинают забывать, могилы 1570–1600-х гг. прорублены прямо в них [Беляев, Григорян, Шуляев; Беляев, Корзинин, 2021]. Но столь поздняя дата возможна в случае, если объект 150 – *не* погребение Ирины Захарьиной.

У нас, однако, есть возможность трактовать относительную хронологию этой группы иначе. Если раньше всего появилось пятно с сероватым заполнением (перекопы могил при деревянном соборе?), которое затем слегка задел угол могилы объекта 150, а позже частично перекрыла фундаментная лента (здесь неглубокая) и еще позже прорезали объекты 148 и 149 (причем 149-й попал в ту же серую яму рядом с объектом 150), то вероятность того, что объект 150 и есть погребение Ирины Захарьиной, резко возрастет и его дата (1533 г.) не будет противоречивой.

Остаются, однако, факты, делающие это построение ненадежным: все зафиксированные гробы (объекты 148, 149, 150 и, возможно, 161) лежат строго в одном ряду и на общем уровне, они имеют близкий состав засыпки, что маловероятно для погребений, сильно разнесенных во времени. Конструкция соседних гробов объектов 149 и 150 чрезвычайно близка. Правда, объект 150 выделяет ориентировка, но это объяснимо, видимо, осью борта каменного саркофага, к которой она прижата (см. выше).

Возможно, у нас просто недостает фактов: ниже уровня исследований, под объектами 150, 168 и 167, может скрываться, по крайней мере, еще одно погребение, более раннее, чем вся система объектов 162, 148, 149 (161?), которую в этом случае нужно датировать второй половиной XVI в.

Конечно, стратиграфия объекта 150 – самая сложная, пожалуй, во всем подклете. Дальше на север всё уже проще и логичнее. Надгробие и саркофаг Г. Ю. Захарьина связаны, совершенно очевидно, совмещены в вертикальных плоскостях, с небольшим разрывом по высоте. Его саркофаг, как и прочие саркофаги в подклете, лежит неглубоко, между ними всего 80–85 см,

а если вычесть высоту плиты (18–19 см) – то не более 65 см. Могильная яма по краям прорезает слой темно-серой супеси (погребенная почва)[8].

Несколько сложнее с плитой и саркофагом Ульянии Захарьиной, крышка которого не подписана, а совмещение не такое точное. Но других современных комплексу захоронений поблизости нет. Под саркофагом просматривается пятно еще одной могильной ямы (объект 161), которая наполовину выступает на север от него. То есть на месте погребения 1563 г. кто-то был похоронен ранее, причем сравнительно недавно, после постройки подклета (в заполнении объекта 161 встречена пара кирпичей небольшой толщины). Ясно, что саркофаги сына и снохи Ирины Захарьиной принадлежат тому же третьему хронологическому пласту, что и все саркофаги восточного нефа, 1550–1560-м гг.

Саркофаг Ульянии Захарьиной вставлен в могильную яму. Она прорезала слой темно-серой супеси (древнюю почву) и опускалась в материк. Ниже него, как и в случае с саркофагом княгини Ф. А. Голицыной, зачищены края могильной ямы (объект 161) прямоугольных очертаний с сильно закругленными углами (в плане 1,8 × 0,48 м), заполненной смесью желтого песка и серой супеси с включениями мелких фрагментов известкового раствора и кирпичного щебня.

* * *

Белокаменное брусковое надгробие Ирины Захарьиной (объект 70) лежит не точно, но все-таки над могилой. Камень слабо трапециевидный, почти параллелепипед, боковые грани вертикальные, гладкие. Размеры: 1,55 × 0,33–0,27 × 0,22–0,21 м.

Надпись на верхней грани в семь строк, вязью, буквы врезные, канавки мачт трехгранные, подсечки выраженные. Высота строки – 11 см, промежутка – 5–5,5 см. Пропорции букв вытянутые, но сами буквы не прижаты друг к другу, а расставлены не без щегольства. Несмотря на это, надпись не заполнила всю длину камня, в изножье осталось более 40 см свободной длины. В статье о погребениях князей Кубенских уже говорилось, что такие камни оставляют впечатление положенных на землю стел – в силу вытянутых пропорций и оставшихся без заполнения нижних частей камня. Стиль нарезки профессиональный и вполне отвечает эпиграфической манере второй трети XVI в. (возможно, ближе к ее концу)[9].

На надгробной плите читается:

ЛѢТ ≠ЗМА Г МЦ҃А
МАРТА КѲ АН҃ПРСТА
ВИСЯ РАБА Б҃ЖИА
ИРИНА ЮрьЕВА
ЖЕНА ЗАХАР҃
ИЧА ИНоКА АЛЕ
ꙊАНДРА

Из эпитафии на надгробии следует, что Ирина, в иноках Александра, жена Юрия Захарьича, умерла 29 марта 1533 г. Година (то есть дата смерти) иноки Александры Захарьиной во вкладной книге Новодевичьего монастыря совпадает с датой, обозначенной на надгробной

[8] В верхней части заполнения могильной ямы, сразу под кирпичами пола, встречена уложенная в изголовье могильной ямы плоская каменная деталь с прямоугольным оформлением западного конца и полукруглым – восточного (в плане 0,67 × 0,67 м), с ровной выемкой глубиной 10 мм, оставляющей рамку шириной 0,09 м. По-видимому, это каменный киот или доска для торцевого надгробия.

[9] «Надпись выполнена мастером, любившим каллиграфию, однако далеко не идеально. Наверху он ставил буквы плотно, но, поняв, что места хватает, в последних трех рядах сделал их пошире. Особенно замечательно выполнено сочетание букв “ино” в слове инока – одна общая дуга через четыре палочки от низкого “а” до низкого “о”», – комментарий С. Ю. Шокарева.

плите. На 29 марта приходился день памяти преподобного Марка, епископа Арефусийского. Во вкладной книге отмечено, что в обитель дано «вкладу по ней 60 рублев»[10].

Ирина Захарьина была дочерью боярина Ивана III Ивана Тучка Борисовича Морозова[11]. Муж Ирины Ивановны Юрий Захарьич являлся сыном Захария Ивановича Кошкина из старомосковского боярского рода Андрея Кобылы и младшим братом боярина Ивана III Якова Захарьича. Юрий Захарьич известен как крупный администратор и военачальник в княжение Ивана III. В марте 1471 г. он был волостелем на Двине. В октябре 1479 г. находился в свите великого князя Ивана Васильевича во время поездки в Новгород. Получил боярский чин к октябрю 1483 г., когда участвовал в разводе великокняжеских земель с владениями Бориса Васильевича Волоцкого. В 1485 г. посадил на престоле в Казани хана Мухаммед-Эмина. В 1487 – весной 1489 г., июле 1490 г. был наместником в Великом Новгороде. В 1488 г. проводил розыск о ереси в Новгороде. В 1490 г. участвовал в соборе против еретиков в Москве. В 1492/1493 г. сопровождал Василия Ивановича, сына Ивана III, в Тверь. В феврале 1498 г. присутствовал с боярами на коронации Дмитрия-внука. В августе 1499 г. командовал полком правой руки в очередном Казанском походе. В мае 1500 г. возглавлял войско, взявшее Дорогобуж. В июле 1500 г. наместничал в Новгороде. 14–22 января 1501 г. в Москве участвовал в переговорах с венгерским и чешским послом[12].

Ирина Захарьина в источниках впервые упоминается 21 января 1526 г. на свадьбе великого князя московского Василия III и Елены Глинской. У великой княжны Елены Васильевны за столом сидели боярыни княгиня Анна, жена князя Ф. И. Бельского, княгиня Мария, жена князя С. Д. Холмского, Ирина, жена Ю. Захарьича, Анна, жена П. Я. Захарьина, Феодосия, жена М. Ю. Захарьина. Свахами великого князя были княгиня Марфа, жена князя Д. Ф. Бельского (он исполнял роль дружки великого князя на свадьбе), и Феодосия, жена М. Ю. Захарьина (игравшего роль второго дружки Василия III)[13].

В 1526 г. Ирина Ивановна находилась в преклонных годах, она на много лет пережила своего мужа Юрия Захарьича, скончавшегося вскоре после 1501 г. [Зимин, с. 185]. На великокняжеской свадьбе присутствовал старший сын Ирины М. Ю. Захарьин с женой Феодосией и племянник П. Я. Захарьин с женой Анной. Ирина Захарьина за свадебным столом среди боярынь занимала почетное третье место после придворных дам, находившихся в близком родстве с правящей династией: вдовы князя Ф. И. Бельского Анны (дочери Василия Ивановича Рязанского и Анны Васильевны, родной сестры Ивана III [Зимин, с. 124]) и вдовы князя С. Д. Холмн ского Марии (родной брат Семена князь В. Д. Холмский в 1500 г. женился на дочери Ивана III и Софьи Палеолог Феодосии[14]).

Последний раз Ирина Захарьина упоминалась 2 февраля 1533 г. в Москве в окружении Елены Васильевны Глинской на свадьбе младшего брата Василия III Андрея Старицкого и княгини Евфросинии Хованской. В столе от великой княгини Елены сидели боярыни княгиня Марфа, жена князя Д. Ф. Бельского, Ирина, жена Юрия Захарьича, Елена, жена И. А. Челяднина, Аграфена, жена В. А. Челяднина, жена князя И. Ф. Палецкого (не названа по имени)

[10] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря // Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подгот. В. Б. Павлов-Сильванский. М., 1985. Ч. 1. С. 190.

[11] Родословная книга князей и дворян Российских и Выезжих (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 2. С. 43; [Веселовский, с. 205].

[12] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 19, 28, 30; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // ИА. М.; Л., 1951. Т. 7. С. 272; ДДГ. № 77. С. 292; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 304–307, 395; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 15, 418; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. С. 24; [Казакова, Лурье, с. 385; Зимин, с. 184].

[13] Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 13. С. 15–19; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 9–11; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 192–196.

[14] ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 173; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 16–17; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 63; Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. С. 1.

и Ксения, жена князя И. Ф. Бельского[15]. Ирина Ивановна указана на втором месте от великой княгини после Марфы Бельской. Захарьина сидела среди первостепенной московской аристократии, связанной между собой тесными узами свойства. Марфа Ивановна, жена князя Д. Ф. Бельского, была дочерью боярина и конюшего И. А. Челяднина и родной сестрой кравчего И. И. Челяднина[16]. Родной брат И. А. Челяднина дворецкий В. А. Челяднин женился на Аграфене, мамке наследника престола Ивана IV и родной сестре князя И. Ф. Овчины Телепнева Оболенн ского (фаворита Елены Глинской) [Кром, с. 147–151].

На похоронах Василия III, состоявшихся в Архангельском соборе Московского Кремля 4 либо 5 декабря 1533 г., Ирина Захарьина уже не присутствовала[17], так как к тому времени умерла.

Во вкладной книге Новодевичьего монастыря, сохранившейся в позднем списке 1674/1675 г., дата поминовения инокини Александры Захарьиной приходится на 16 апреля, день памяти трех святых дев мучениц Ирины, Агапии и Хионии[18]. Очевидно, одна из трех дев, мученица Ирина, являлась патрональной святой Ирины Захарьиной, в честь которой она получила свое крестильное имя. Выбранное монашеское имя Александра по первой букве совпадало с ее крестильным именем, поскольку в обиходе Ирину часто называли Ориной либо Ариной.

Скорее всего, Ирина Захарьина перед смертью приняла схиму в Новодевичьем монастыре. Пострижение могло произойти в период после 2 февраля до 29 марта 1533 г., еще при жизни великого князя Василия III.

Ирина Захарьина, инока Александра, вместе с невесткой Феодосией, женой М. Ю. Захарьина, упоминается в харатейном списке (XVI в.) синодика Московского Успенского собора[19], в роду Якова Захарьича в синодиках (в списках XVII в.) Успенского[20] и Архангельского[21] соборов Московского Кремля.

Погребение в обители на Девичьем поле Ирины (Александры) Захарьиной повлияло на решение ее младшего сына Григория Юрьевича упокоиться возле своей матери. Ко времени смерти Ирины Ивановны ее сыну Григорию должно было исполниться, по крайней мере, 32–33 года, поскольку его отец Юрий Захарьич умер вскоре после 22 января 1501 г., когда последний раз встречается в источниках [Зимин, с. 179, 185, 187]. Свое первое воеводское назначение Григорий Захарьин получил в октябре 1531 г.[22], значит, к этому времени он достиг совершеннолетия.

Второе к северу погребение Г. Ю. Захарьина представлено наиболее полно. Сохранились две надписи, одна на брусковом надгробии, другая на крышке саркофага (Рис. 6 и 7). Они размещены строго друг над другом. Поскольку это, несомненно, части одного погребения, им был присвоен общий номер (объект 69). Саркофаг помещен вплотную к гробу Ирины (Александры), а к северу к нему, в свою очередь, приставлен, с небольшим промежутком, саркофаг его жены Ульянии (Александры) (объект 70).

Саркофаг Григория Захарьина белокаменный антропоморфный. Оголовье широкое, трапециевидное, из прямых линий с резкими углами (один из самых ранних примеров такого

[15] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 13–15; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 233–237.
[16] *Алексеев А. И.* Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 103.
[17] ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 77, 419; М., 2000. Т. 8. С. 286; М., 2009. Т. 29. С. 127; Т. 34. С. 24; М., 2004. Т. 43. С. 231–232.
[18] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 193; [Сергий (Спасский), с. 98].
[19] ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 667. Л. 75 об. См. также: ОР ГИМ. Собрание П. И. Щукина. № 536. Л. 98; РГАДА. Ф. 196 (Собрание Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. № 289. Л. 156.
[20] ОР ГИМ. Собрание Успенского собора. № 64 (1148). Л. 49; № 65 (1061). Л. 64.
[21] ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание Отдела рукописей). № 1518. Л. 24–24 об.
[22] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 81.

оформления оголовья). Плечи скошены слабо. Размеры в плане: 1,95 × 0,8–0,44 м, высота более 0,4 м (ящик более 0,3 м, крышка – 0,1 м). Снизу в крышке сделана выборка на глубину 0,05 м, с бортиком шириной также до 0,05 м[23].

На поверхности крышки – надпись в четыре строки вязью. Буквы врезанные, вытянутых пропорций. К сожалению, часть строк (особенно вторая строка) повреждены трещинами. Дата вынесена несколько выше, в отдельную строку, и помещена в оголовье. Все цифры (включая день), а также имя и отчество, отделены крупными точками. Текст надписи на крышке саркофага:

ЛѢ^{Т}. ≠З҃. З҃. Д҃
МА^{Р}ТА. А҃. ПРе^{С}ТАВиСЯ
ГРиГоРеИ · Ю^{Р}ЕВИЧ ЗА
ХА^{Р}ИЧЬ

Эта надпись короче текста надгробия, но в ней есть важная деталь: названо фамильное именование, Захарьин, или дедичество, Захаричь[24].

Надгробная плита в плане слабо трапециевидная, боковые грани вертикальные, размеры 1,57 × 0,32–0,27 × 0,19–0,18 м. Ножная часть отколота и закреплена на цементном растворе. Надпись в семь строк, вязью, занимает лицевую грань на всю ширину. Буквы вытянутых пропорций, немного щеголеватые[25]. Текст надписи надгробной плиты:

ЛѢТ З҃З҃Д М^{С}ЦА
МА^{Р}ТА а ^{ДН} ПРЕ
СТАВИ^{С}БОЛЯРИ^{Н}
РА^{Б} БоЖЕ^{И} ГРИГОРеЇ
ЮРьЕВИ^{Ч} НА ПА
МЯ^{Т} ПРеПО^{Д}оБНОЇ
М^{Ч}НЦЇ ЕВДоКѢЇ

В тексте есть отличия от приведенных на крышке саркофага сведений: указаны чин покойного («болярин») и память святой в день смерти (мученица Евдокия). Надпись занимает всю ширину камня, не оставляя пустого места и в ногах, грань тесно покрыта изящными буквами, соответствующими середине XVI в.

Согласно взаимодополняющим надписям на крышке саркофага и надгробной плите боярин Григорий Юрьевич Захарьин умер 1 марта 1556 г. На момент смерти ему было не менее 55–56 лет. Во вкладной книге Новодевичьего монастыря дата смерти (година) совпадает с указанной в эпитафии: 1 марта, на день преподобномученицы Евдокии[26].

Память Г. Ю. Захарьина в обители приурочена к 30 сентября, дню поминовения священномученика Григория, епископа Великой Армении, «вкладу по нем и по семье ево село Беклемишево»[27]. Святой Григорий Просветитель, епископ Великой Армении, – это небесный

[23] Крышка раскололась в прошлом, осколки смещены по вертикали, так что образовались отверстия, замазанные (при реставрации 1880-х гг.?) известковым раствором с добавкой крошки извести и кирпича с песком. В ходе расчистки часть крышки обрушилась внутрь, ее потребовалось снять для реставрации, так что удалось провести наружный осмотр погребения, покрытого покровами из шелка (?). После реставрации крышка восстановлена на ее месте.

[24] «Последние буквы как лигатура “ЧЬ”» – наблюдение С. Ю. Шокарева.

[25] «Резал надпись подлинный мастер. Он очень грамотно уместил его на грани бруска. По-видимому, он видел плиту Ирины (Александры) Захарьиной и ориентировался на нее, что заметно по лигатуре “Лѣ” и слову “МЦА”, встречающемуся в эпитафиях нечасто» – замечание С. Ю. Шокарева.

[26] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 187; [Сергий (Спасский), с. 54].

[27] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 168.

тезка Григория Захарьина, в честь которого он, очевидно, получил крестильное имя. Память священномученика Григория Армянского праздновалась Церковью 30 сентября [Сергий (Спасский), с. 261].

Село Беклемишево, вклад по Г. Ю. Захарьину, не удается точно локализовать. Известно, что княгиня Марфа, в иночестве Александра, вдова князя Д. Ф. Бельского, до июля 1571 г. дала Новодевичьему монастырю бывшую вотчину своего мужа село Беклемишево на р. Желетне с 40 деревнями, одним починком и двумя пустошами и село Одинцово с 20 деревнями в Мещерском стане Бежецкого Верха (всего около 3300 десятин земли)[28]. Вклад в Новодевичий монастырь сел Беклемишево и Одинцово был связан, вероятно, с пострижением княгини М. И. Бельской в монахини после смерти мужа († 1551 г.)[29]. Но, как справедливо отмечал Ю. Д. Рыков, автор комментария к актам Новодевичьего монастыря, село Беклемишево, данное вкладом в обитель по Г. Ю. Захарьину, «это вряд ли село Беклемишево в Бежецком Верхе, принадлежавшее князю Д. Ф. Бельскому и отданное в Новодевичий монастырь его вдовой»[30]. Кстати сказать, с села Беклемишева шел корм в обители на Девичьем поле не только по князьям Бельским, но также по их свойственникам Челядниным[31].

В 1620-х гг. в писцовой книге по Московскому уезду упоминается поместье князя Б. К. Черкасского, пустошь Беклемишево в Горетове стане Московского уезда [Павлов, с. 213–214]. Ранее 29 ноября 1611 г. княгиня Марья, дочь И. С. Черемисинова и жена князя М. А. Мосальского, дала Троице-Сергиеву монастырю вкладом село Хинское с пустошами Жаворонково, Красная, Вертячая, Горино, Беклемишево, Аврамово в Горетове стане Московского уезда[32]. Однако пустошь Беклемишево в Горетове стане Московского уезда – это отнюдь не то же самое, что село Беклемишево с 40 деревнями.

Известно, что после смерти Г. Ю. Захарьина его вдова Ульяна (Ульяния) дала Новоспасскому монастырю в Порецком стане Ростовского уезда село Кондаково с несколькими десятками деревень (всего 924,6 четверти земли в одном поле)[33]. Скорее всего, составителями вкладной книги Новодевичьего монастыря 1674/1675 г. была допущена ошибка при переписывании вкладов и вместо села Кондаково указано село Беклемишево, вклад в обитель княгини М. Бельской. Уже в писцовой книге Ростовского уезда 1560/1561 г. упоминается принадлежавшее Новодевичьему монастырю село Кондаково Григорово на р. Вздериноге, а к селу 21 деревня (всего 327 четвертей средней земли и 597 четвертей худой земли)[34]. Вероятно, село Кондаково было пожаловано обители на Девичьем поле Ульяной Захарьиной после смерти мужа Григория Юрьевича в 1556 г. В дальнейшем именно с села Кондакова (а не Беклемишева) и должны были идти корма братии не только по Григорию Юрьевичу, но и по его матери Ирине и жене Ульяне, то есть «по семье ево»[35]. Несомненно, что вторая часть названия села («Григорово») указывает на имя его прежнего владельца Григория Захарьина [Стрельников, с. 83].

Г. Ю. Захарьин впервые упоминается на службе в сентябре 1531 г., когда был четвертым воеводой на р. Осетре. В июле 1532 г. Г. Ю. Захарьин второй воевода в Бачманове. В феврале 1536 г. воевода в Муроме, после чего возглавил сторожевой полк в войске, отправленном из

[28] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII вв. М., 1998. № 128. С. 268, 489–499.
[29] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 198.
[30] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII вв. С. 497.
[31] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 179, 188, 197–198, 209.
[32] Хронологический перечень актов Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. // Кириченко Л. А. Актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. М., 2006. № 111. С. 180.
[33] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII вв. № 128. С. 306, 497; [Стрельников, с. 83].
[34] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 70.
[35] Там же. С. 168.

Мурома в Нижний Новгород. В июне 1543 г. во Владимире второй воевода большого полка. В июне 1547 г. во время пожара в Москве с другими придворными выступил против князей Глинских. Боярин к июлю 1547 г. В октябре 1550 г., июне 1553 г., июле 1555 г. во время отсутствия царя находился с князем Юрием Васильевичем и боярами в столице[36]. Последнее упоминание Г. Ю. Захарьина относится к июлю 1555 г.[37] В Дворовой тетради 1550-х гг. включен в список бояр с пометой «умре»[38].

В «Помяннике» Новоспасского монастыря Григорий Юрьевич фигурирует вместе с теми представителями рода Захарьиных, кто погребен в этой обители: «Лѣта 7075 (1567) марта въ 1 день преставися рабъ Божій Григорій Юрьевичъ Захарьевъ, во иноцѣхъ Гурій»[39]. В кормовой книге Новоспасского монастыря корм по Г. Ю. Захарьину записан на 2 марта[40], что вполне допустимо, учитывая часовой счет в те времена и связанные с ним в монастырях церковные службы. Новый день начинался с завершения празднования в честь определенного святого (святой) и в преддверии поминания следующего за ним великомученика (преподобномученицы) [Беляев, Корзинин, 2021, с. 94–95; Корзинин, 2023, с. 400, примеч. 1].

Однако год смерти Григория Юрьевича, приведенный в «Помяннике», ошибочен. Григорий умер 1 марта 1556 г., а не 1567 г. Как мы знаем, могила Г. Ю. Захарьина находится не в родовом некрополе Захарьиных в Новоспасском монастыре, а в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря [Станюкович и др., с. 177, примеч. 1; с. 181]. Наконец, ни в синодиках, ни в кормовых книгах русских монастырей не зафиксировано иноческое имя Григория Юрьевича.

В синодичное поминание в Новодевичьем монастыре рода Захарьиных включены: «Георгий. Схимница Александра. Схимник Мисаил. Феодосия. Роман. Иоанн. Инокиня Улия. Долмат. Даниил. Григорий. Схимница Евпраксия. Василий. Анна. Иоанн. Феодор. Княгиня Татиана. Иоанн. Ирина»[41]. В поминальной записи перечислены Юрий Захарьич, его жена Ирина, в схиме Александра, их сыновья М. Ю. Захарьин, в схиме Мисаил, его жена Феодосия, Р. Ю. Захарьин, И. Ю. Захарьин († 6 июля 1503 г.). Затем, возможно, жена И. Ю. Захарьина инокиня Улия, сыновья Р. Ю. Захарьина Долмат и Даниил Романовичи, Г. Ю. Захарьин, его жена Ульяна, в схиме Евпраксия. За ними внесен еще один сын Юрия Захарьича Василий († 15 июля 1498 г.). После Василия – дети Д. Р. Юрьева Анна, Иван и Федор, погибшие в пожаре 24 мая 1571 г. во время осады Москвы крымским ханом Девлетом I Гиреем[42]. В конце списка фигурируют дочь Ф. Н. Романова княгиня Татьяна († 21 июля 1611 г.), жена князя И. М. Катырева-Ростовского, и, возможно, Иван Никитич Романов († 18 июля 1640 г.) и его сестра Ирина Никитична († 6 июня 1639 г.), жена И. И. Годунова [Станюкович и др., с. 115–137, 179–194, 221–226][43].

В синодике Новгородского Софийского собора 1637 г. записан «Род Захарьич». Следовало поминать «**З**ахария. Иякова. Василия. Георгия. Михаила. Романа. Григория» (то есть З. И. Кошкина, его старшего сына Якова Захарьича, младшего сына В. З. Ляцкого, среднего

[36] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 80, 81, 89, 105, 112, 115, 124, 141; ПСРЛ. Т. 13. С. 456.
[37] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 152.
[38] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 111.
[39] РГАДА. Ф. 199 (Миллер Г.-Ф.). Оп. 2. Портф. 413. Тетрадь № 11. Л. 39 об.; Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. II; *Дмитриев И. Д.* Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. М., 1909. Приложение. С. 9.
[40] Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. С. 15.
[41] Синодик 1705 г. Московского Новодевичьего монастыря // Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подгот. В. Б. Павлов-Сильванский. М., 1985. Ч. 2. С. 230.
[42] «Анна, Иоанн, Феодор» включены в поминание рода Даниила Романова сына Юрьева в синодике Новодевичьего монастыря (Синодик 1705 г. Московского Новодевичьего монастыря. С. 231).
[43] Иная идентификация Захарьиных в поминальном списке синодика Новодевичьего монастыря предложена В. Д. Назаровым [Назаров, с. 24].

сына Юрия Захарьича, старшего сына Юрия Захарьича М. Ю. Захарьина, среднего сына Р. Ю. Захарьина и, наконец, младшего Г. Ю. Захарьина)[44].

В синодике из собрания ризницы Троице-Сергиева монастыря 1575 г. включено поминание Григория Юрьевича Захарьина[45]. В кормовой книге Троицкого монастыря 1674 г. в роду Захарьиных «поминати на понахиде и в обедню» следовало «**Г**еоргїа, **Г**ригорїа. **Е**вдокіи» (Юрия Захарьича, его сына Г. Ю. Захарьина и жену Григория Евдокию-Улианию)[46].

В синодике Богоявленского монастыря 1670–1730-х гг. содержится поминание рода Григория Юрьевича: «Схимницы Иулии, Григориа, схимницы Дарии, схимницы Анны, Михаила, Григориа, иноки Евпраксии»[47]. Очевидно, в конце списка фигурируют Г. Ю. Захарьин и его жена схимница Евпраксия.

Исходя из сведений монастырских синодиков, есть основания сомневаться в том, что Григорий Захарьин действительно перед смертью принял схиму и стал именоваться иноком Гурием. Казалось бы, перед кончиной Григорий Юрьевич мог стать монахом Новоспасского монастыря, однако и в кормовой книге данной обители он фигурирует под своим крестильным именем Григорий, а не иноческим Гурий[48].

Последний погребальный комплекс семьи Захарьиных – надгробие Ульянии (Евпраксии) и ее саркофаг (объект 68, номер общий), установленный в могильную яму (объект 161). Надгробие поднималось выше уровня современного пола, вмуровано в него и в горизонт балласта. Вплотную к югу – объект 69; сам объект впущен в южную часть лежащей несколько севернее могильной ямы (Рис. 8 и 9).

Надгробие Ульянии Захарьиной – стандартная намогильная плита середины XVI в., без орнамента на боковых гранях, трапециевидная в плане (размеры 1,51 × 0,57–0,49 × 0,2–0,17 м). На верхнюю грань нанесена типовая антропоморфная композиция в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Это поздний вариант композиции: в оформлении внутренней рамки использованы крупные равносторонние треугольники, а нижнее клеймо, лучевая многолепестковая розетка, спущена низко к ногам (около трети общей длины плиты). Верхнее клеймо – полукруглое, построено по той же схеме.

Надпись в девять строк вязью, занимает всю плиту: оставленное для нее поле и оба нижних, по сторонам от разделителя (строки с шестой по восьмую и половина девятой). Буквы врезанные, вытянутых пропорций.

Текст надписи на надгробной плите:

ЛѢ^{Т}ЗОА͡ГО
МА^{Р}ТА К͡ДЕНЬ ^{Н}А ^{П}АМЯ^{Т} ПРЕ^{Д}оБнЫ
Ѡ^{Т}Ць НАШИ^{Х}ІЖЕ Во ѠБиТЕЛИ
СТ^{ГО} САВЫ І^{З}БиЕНЫ^{Х}ПрЕСТАВИ^{С}
РАБА Б^{Ж}И^{Ѧ}ОуЛИѦНА ГРИГ
РИЕВА ЖЕНА ЮРЬЕ
ВИЧА ИНОКА
СКИ^{М}НИЦА ЕУПРАѮ^{С}Ѣ
Ѧ

[44] Новгородские синодики XIV–XVII веков / Подгот. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 160.
[45] ОР РГБ. Ф. 304/III (Собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25. Л. 214.
[46] *Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 127. О жене Г. Ю. Захарьина и ее двуименности см. далее по тексту.
[47] *Алексеев А. И.* Синодик московского Богоявленского монастыря 1670–1730-х гг. // Вестник церковной истории. 2021. № 3/4 (63/64). С. 151.
[48] Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. С. 15.

Примерно на 50 см ниже основания плиты был обнаружен белокаменный антропоморфный саркофаг. Он имеет большое округлое оголовье и прямые короткие плечи; размеры в плане 1,95 × 0,8–0,44 м. Поверхность крышки без надписи, гладкая (Рис. 10).

Ульяна (Улиана, Иулиания, Улиания, Юлиания), в схиме Евпраксия, Захарьина умерла 20 марта 1563 г., на память преподобных отец наших, иже во обители святого Саввы избиенных [Сергий (Спасский), с. 71]. В отличие от Г. Ю. Захарьина его вдова Ульяна перед уходом приняла схиму.

Именины Евпраксии, жены Григория Юрьевича, во вкладной книге Новодевичьего монастыря приурочены к 3 марта, дню святых мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска, а также Конона Исаврийского[49], которые, однако, не тезоименитыУльяне. 4 марта Церковь поминает святых мучеников Павла и сестру его Иулианию [Сергий (Спасский), с. 56–57]. Святая Иулиания – это и есть небесная покровительница Ульяны Захарьиной. Все дело в том, что в православной традиции чествование патрональных святых нередко начиналось в преддверии или днем раньше даты их поминовения, о чем выше уже говорилось.

Корм по жене Григория Юрьевича Евпраксии во вкладной книге Новодевичьей обители записан на ее годину (день смерти) 5 марта, на день празднования священномученика Конона градаря и Конона Исаврийского, дано по ней монастырю 50 рублей[50]. Однако Евпраксия умерла 20 марта, а не 5 марта, следовательно, в письменном источнике содержится ошибка.

Может показаться странным, что Ульяна в схиме пожелала именоваться Евпраксией, ведь монашеское имя по первой букве, как правило, совпадало со светским именем [Успенский, Успенский, с. 238–239; Литвина, Успенский]. Обратимся к другим случаям, когда женщины знатного происхождения в иноках становились Евпраксиями.

В XVI в. иноческое имя Евпраксия носила Евдокия, жена боярина И. С. Воронцова[51], Евдокия, жена князя И. А. Хорхоры Оболенского[52], а также Евдокия, жена дьяка Т. Ракова[53]. В Новодевичьем монастыре ранее Ульяны Захарьиной приняла схиму княгиня Иулиания Кубенская, жена князя И. С. Большого Кубенского и дочь Андрея Большого Углицкого. В иночестве она была наречена Евпраксией [Беляев, Шокарев, Шуляев, 2021, с. 90]. То, что княгиня И. А. Кубенская в крещении именовалась Евдокией, доказано достаточно убедительно [Беляев, Шокарев, Шуляев, 2021, с. 96]. Значит, и жена Г. Ю. Захарьина была обладательницей двух христианских имен: публичного имени Ульяна и крестильного Евдокия. Под вторым, крестильным именем она фигурирует в кормовой книге Троице-Сергиева монастыря. В роду Захарьиных было предписано поминать «Георгїа, Григорїа. Евдокіи»[54], то есть Юрия (Георгия) Захарьича, сына Юрия Григория и жену Григория Евдокию. Память преподобномученицы Евдокии праздновалась 1 марта, в непосредственной близости от дня поминания святой Иулиании 4 марта. Монахини, как правило, отмечали именины по той святой, в честь которой они были крещены, а не пострижены.

[49] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 187.
[50] Там же. С. 188.
[51] Там же. С. 186–187, 199; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 52; *Антонов А. В.* Вотчинные архивы Московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 2. № 773. С. 195.
[52] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 187; Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. С. 487–488.
[53] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 170, 238; Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV–начало XVII вв. № 79. С. 194.
[54] *Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 127.

Возможно, день памяти Евдокии-Ульяны Захарьиной был ошибочно записан во вкладной книге Новодевичьего монастыря 3 марта, хотя должен был быть отмечен 1 марта, когда поминают святую Евдокию[55].

* * *

Почему все-таки первым известным погребением в монастыре оказалась могила Ирины Захарьиной? Девичьих монастырей высокого статуса, кроме Воскресенского, где хоронили женщин великокняжеской семьи, в Москве почти не было [Назаров, Рыков, с. 278]. Даже старейший из них, Алексеевский (его древняя территория там, где сейчас Зачатьевский на Остоженке), в XVI в. привлекал только посадскую верхушку (купцов, богатых ремесленников, дьячество, служилых людей[56]), а не знать. Так что похороны не в родовой обители Захарьиных, Новоспасской, удовлетворительно объясняет желание принять постриг в девичьем монастыре[57], изначально связанном с двором Василия III (умершего, кстати, в том же 1533 г.).

Археологически картина погребений семьи Захарьиных явно стала богаче и сложнее. Они занимают ключевую точку подклета, так как замыкают и восточный поперечный неф (всего в нем отмечено не менее 30 погребений), и северный, целиком заполненный близкими по времени захоронениями семейных групп особенно высокого ранга, прежде всего князей Кубенских и Морозовых, которые размещены компактно в двух ячейках и образуют стройную систему, в которую следует вписать и два саркофага семьи князей Бельских [Беляев, Шокарев, Шуляев, 2020] в центральной ячейке южного нефа. Ленточные фундаменты, как уже говорилось выше, как бы ограждают эти группы (хотя заложены, конечно, совсем не с этой целью).

Погребения Захарьиных соотносимы с этой системой, но они размещены на участке, рядом с которым расположены захоронения, видимо, не связанные с этой семьей. В основном погребения совершали в уже построенном и укрепленном дополнительными конструкциями подклете. В том же восточном нефе, дальше на юг, сохранились три надписанных саркофага 1550-х гг., более поздняя плита княгини Евфросинии Голицыной († 1655 г.) [Беляев, Топычканов] и другие надписи XVII в. Здесь были погребены две княгини, жена князя Дмитрия Васильевича Небогатого (инока Варсонофия, † 1552 г.) и жена Ивана Семеновича, князя Ярославского († 1553 г.), а также Иван Мартемьянович Ганус († 1552 г.). Это указывает на высокий, но не исключительный статус погребенных.

В их кругу Ирина Захарьина может быть названа одной из первых по рангу, если не первой. Несмотря на то что она не княжеского рода, ее положение в ряду титулованной знати было прочным и высоким. Отметим при этом как странность отсутствие каменного саркофага, чрезвычайно характерного для погребений знати XVI в. Это, а также то, что ее могила граничит с серией «посторонних» захоронений, в том числе ей предшествующих, рождает известные сомнения в идентификации участка погребения. Археологическая ситуация, к сожалению, не позволяет уверенно утверждать, что оно совершено именно на том месте, где находилась ее плита. Также под вопросом относительная хронология предполагаемого погребения по отношению к соседним. На современном этапе мы не можем ответить на вопрос о том, была ли Ирина погребена именно на этом месте, хотя в отношении ее сына и невестки таких сомнений нет. Очевидно, что Ирина Захарьина похоронена в Новодевичьем монастыре.

Но использовать место ее погребения и дату на ее надгробии (1533 г.) в дискуссии о хронологии строительства собора нужно с осторожностью. В то же время нельзя отрицать

[55] Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 187; [Сергий (Спасский), с. 54].
[56] Это подтвердили раскопки 2000-х гг. (см.: [Беляев, 2019]).
[57] Возможно, следует вспомнить и о том, что Ирина происходит из рода бояр Морозовых, в семью которых вошла княжна Кубенская, погребенная в северо-западном отсеке нефа вместе с матерью.

возможности того, что строительство велось достаточно долго и первые погребения в заложенном подклете были совершены задолго до постройки основного объема – о том, что это произошло по крайней мере не позже 1537 г., свидетельствует участок князей Кубенских.

Вероятно, в будущем быстро развивающаяся приборная база позволит отразить археологическую ситуацию точнее и подробнее, не прибегая при этом к деконструкции архитектурных наслоений и погребальных контекстов.

Рис. 1. Северная часть восточного нефа: а – надгробия Захарьиных после снятия полов XIX–XX вв., вид с северо-запада (на первом плане – кирпичная выкладка северо-восточной фундаментной ленты).

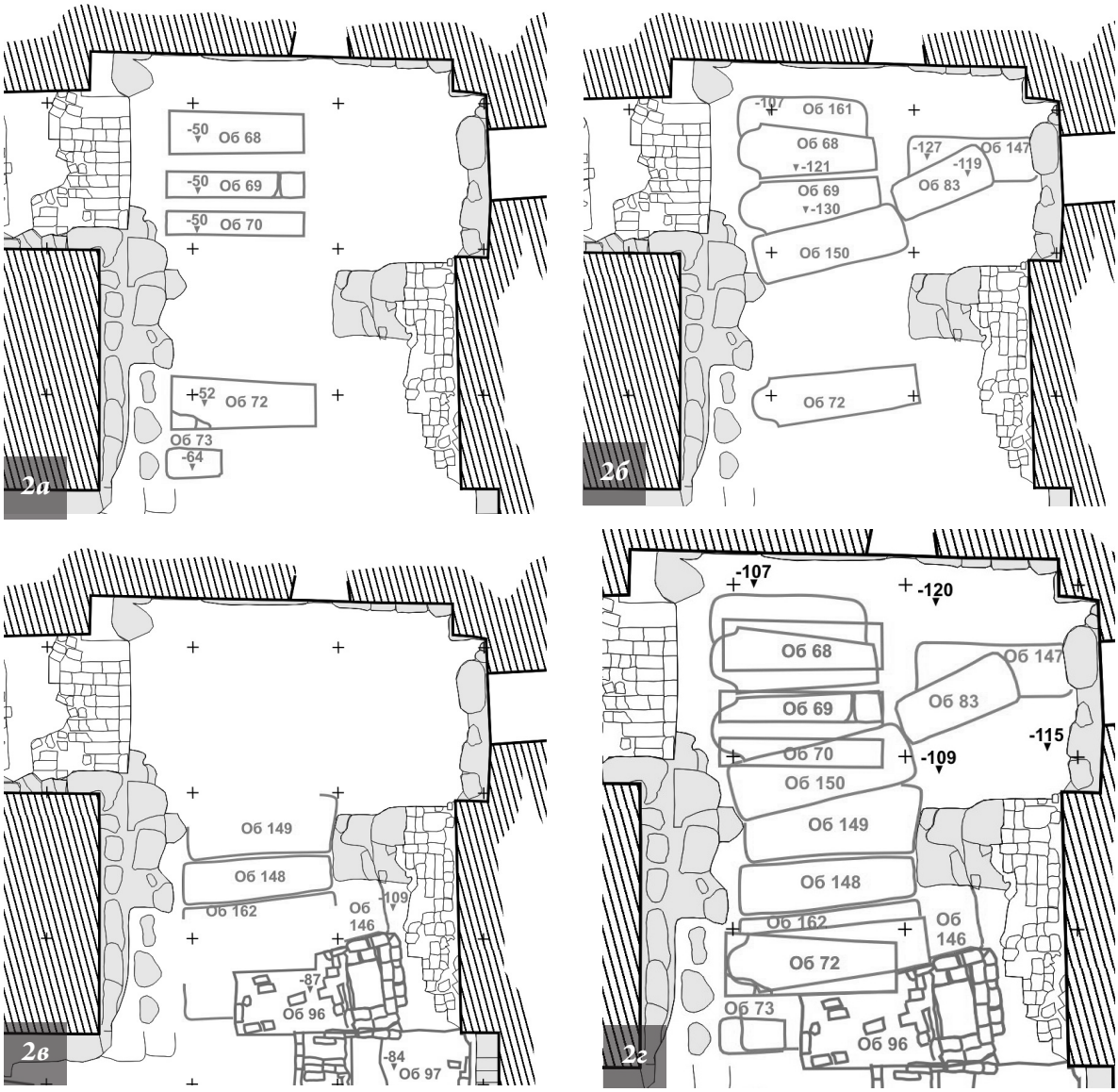
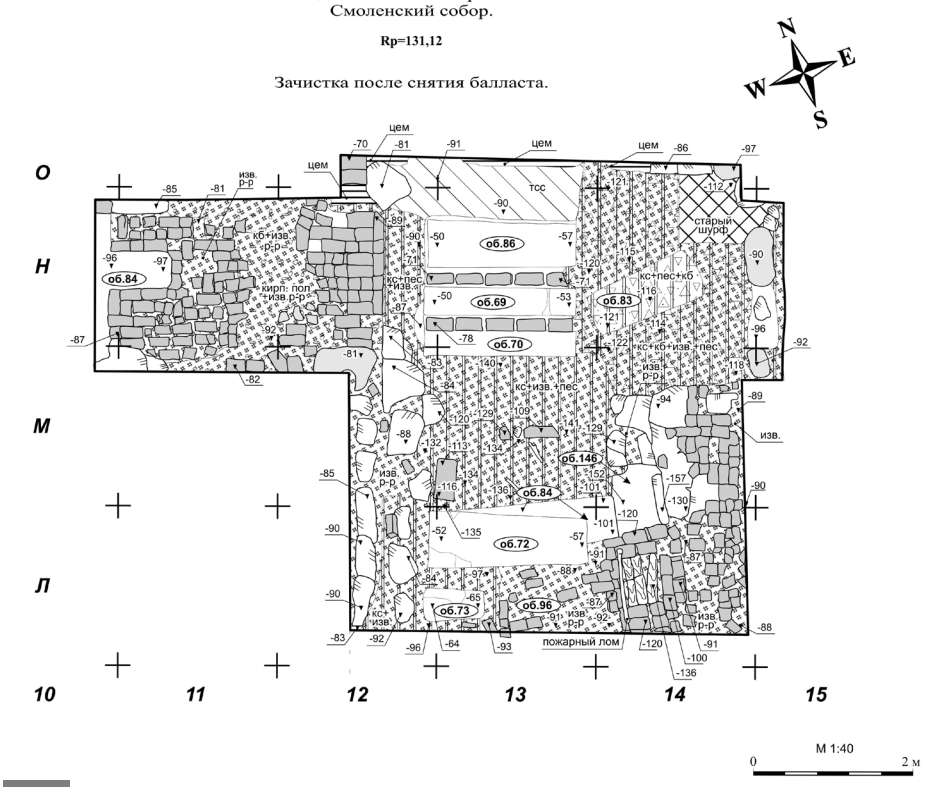
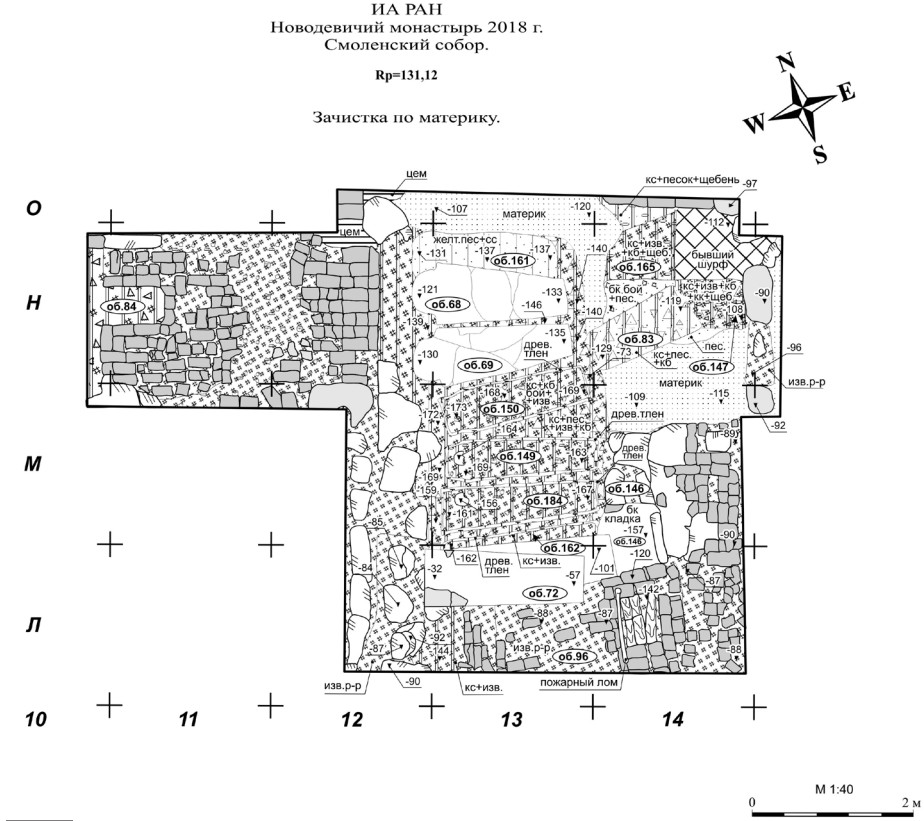


Рис. 2. Северная часть восточного нефа. Планы: а – надгробия; б – каменные саркофаги и могильные ямы (до постройки каменного собора?); в – могильные ямы, прорезанные в фундаментных лентах (южнее – кирпичные сооружения XVII–XVIII вв.); г – совмещенный план погребальных комплексов.



3а

Илл. 216.
Участок 11. Кв. Л-О/10-15. Зачистка после снятия балласта. Чертёж. М 1:40.



3б

Илл. 236.
Участок 11. Кв. Л-О/10-15. Зачистка по материку. Чертёж. М 1:40.

Рис. 3. Северная часть восточного нефа, план зачисток: а – ниже уровня балласта; б – на уровне материка.

Рис. 4. Северная часть восточного нефа. Погребения: объект 150 (могила с контуром гроба), объект 130 (со снятой крышкой) и часть объекта 149. Фотография с востока.

Рис. 5. Надгробная плита Ирины Захарьиной, 1533 г.

Рис. 6. Саркофаги Григория (1556 г.) и Ульянии (1563 г.) Захарьиных. Вид сверху с востока.

Рис. 7. Надгробная плита Григория Захарьина, 1556 г.

Рис. 8. Надгробная плита Ульянии Захарьиной, 1563 г.

Рис. 9. Северная часть восточного нефа. Белокаменные саркофаги в процессе раскрытия: а – вид с юго-востока; б – вид с юга.

9

Рис. 10. Северная часть восточного нефа: белокаменные саркофаги Григория Захарьина и его жены Ульянии (Александры). Вид с юга.

Литература

Баталов А. Л. Храмостроительство в Новодевичьем монастыре в XVI веке: от гипотез к источникам // Искусствознание. 2023. № 2. С. 10–31.

Беляев Л. А. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3. С. 2–6.

Беляев Л. А. Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // ИЗ. М., 2019. Т. 18 (136). С. 5–59.

Беляев Л. А., Григорян С. Б., Фролов В. С., Шуляев С. Г. Дополнительные конструкции фундаментов Смоленского собора XVI в. в Новодевичьем монастыре. Предварительная публикация // Архитектурная археология. 2020. № 2. С. 204–214. DOI 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-327-5.204-214

Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009

Беляев Л. А., Корзинин А. Л. Надгробие старицы Анфисы Годуновой в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 91–110. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.008

Беляев Л. А., Корзинин А. Л. Некрополь XVI–XVII вв. к югу от Смоленского собора Новодевичьего монастыря: идентификация и генеалогия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 124–152. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.012

Беляев Л. А., Савельев Н. И. «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV–XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологи-

ческих источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи. Материалы научной конференции, Москва, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 188–192.
Беляев Л. А., Топычканов А. В. Надгробие Ф. А. Голицыной и другие плиты князей Голицыных XVI–XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 60–77. DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.005
Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г. Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 83–98. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.008
Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г. Погребальные памятники рода князей Кубенских в подклете собора Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 88–110. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.007
Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с.
Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 349 с.
Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. М.; Л., 1955. 544 с.
Кавельмахер В. В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 154–179.
Корзинин А. Л. Инокини из рода Сабуровых и Годуновых в Московском Новодевичьем монастыре // ИЗ. М., 2021. Т. 20 (138). С. 6–20.
Корзинин А. Л. Итинерарии Соломонии Сабуровой и Елены Глинской // Корзинин А. Л., Шишкин В. В., Конявская Е. Л., Матасова Т. А. и др. Русские княгини и их дворы в XI–XVI вв. М.; СПб., 2023. С. 378–408.
Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 887 с.
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 241–280.
Матасова Т. А. София (Сабурова Соломония (Саломия) Юрьевна), прп. // ПЭ. М., 2022. Т. 65. С. 245–252.
Назаров В. Д. Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // Историческая генеалогия. 1993. № 1. С. 22–31.
Назаров В. Д., Рыков Ю. Д. Новодевичий монастырь. Введение // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII вв. М., 1998. С. 267–292.
Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Просопографическое исследование: в 2 т. М., 2019. Т. 2. 623 с.
Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Святой Восток. М., 1876. Т. 2. 700 с.
Станюкович А. К., Звягин В. Н., Черносвитов П. Ю., Елкина И. И., Авдеев А. Г. Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. 398 с.
Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. 359 с.
Шокарев С. Ю. Царица Леонида (Шереметева): статус, удел и погребение // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Серия «История и филология». 2023. № 5 (63). С. 41–48. DOI 10.19110/1994-5655-2023-5-41-48
Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. 340 с.

References

Batalov, A. L. Khramostroitel'stvo v Novodevich'em monastyre v XVI veke: ot gipotez k istochnikam [Church Construction in the Novodevichy Convent in the 16th Century: From Hypotheses to Sources]. In *Iskusstvoznanie.* 2023. No. 2. Pp. 10–31.
Belyaev, L. A. Pominat' i pomnit': traditsiya obnovleniya nadgrobii v Moskve XVI–XVII vv. [To Commemorate and Remember: The Tradition of Updating Tombstones in Moscow in the 16th – 17th Centuries]. In *Zhivaya starina.* 2018. No. 3. Pp. 2–6.

Belyaev, L. A. Alekseevskii i Zachat'evskii: dva monastyrya Moskvy v zerkale arkheologii i istorii XIV–XVI vekov [Two Convents of Moscow, Saint Alexius and the Conception of Saint Anna: Archaeology Versus the Historical Tradition of the 14th – 16th Centuries]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 2019. Vol. 18 (136). Pp. 5–59.

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Frolov, V. S., Shulyaev, S. G. Dopolnitel'nye konstruktsii fundamentov Smolenskogo sobora XVI v. v Novodevich'em monastyre. Predvaritel'naya publikatsiya [Reinforcing Constructions in the Foundation of the 16th Century Cathedral of Our Lady of Smolensk in Novodevichii Convent: A Preliminary Publication]. In *Arkhitekturnaya arkheologiya.* 2020. No. 2. Pp. 204–214. DOI 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-327-5.204-214

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Shulyaev, S. G. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya XVI–XVII vv. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The Grave Vault of the Catholicon of the Novodevichy Convent, 16th – 17th Centuries: The Results of Field Research (2017–2018)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2019. No. 4 (78). Pp. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009

Belyaev, L. A., Korzinin, A. L. Nadgrobie staritsy Anfisy Godunovoi v podklete Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya [Tombstone of Eldress Anfisa Godunova in Smolensky Catholicon Funerary Vault of Moscow Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2021. No. 3 (85). Pp. 91–110. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.008

Belyaev, L. A., Korzinin, A. L. Nekropol' XVI–XVII vv. k yugu ot Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya: identifikatsiya i genealogiya [Necropolis of the 16th – 17th Centuries to the South of Smolensky Cathedral of the Moscow Novodevichy Convent: Identification and Genealogy]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2022. No. 3 (89). Pp. 124–152. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.012

Belyaev, L. A., Savel'ev, N. I. "Vozobnovlennye" nadgrobiya v Vysoko-Petrovskom monastyre (g. Moskva) i vospriyatie lichnosti v XV–XVII vekakh ["Renewed" Tombstones in the Vysoko-Petrovsky Monastery (Moscow) and the Perception of Personality in the 15th – 17th Centuries]. In *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh: Moskovskaya Rus', Rossiiskaya Imperiya i ikh sosedi. Materialy nauchnoi konferentsii, Moskva, 13–14 oktyabrya 2016 g.* Moscow, 2016. Pp. 188–192.

Belyaev, L. A., Shokarev, S. Yu., Shulyaev, S. G. Sarkofag knyagini Anastasii Bel'skoi v podklete Smolenskogo sobora moskovskogo Novodevich'ego monastyrya [Sarcophagus of Princess Anastasia Bel'skaya Found in Smolensky Cathedral Funerary Vault of Moscow Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2020. No. 4 (82). Pp. 83–98. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.008

Belyaev, L. A., Shokarev, S. Yu., Shulyaev, S. G. Pogrebal'nye pamyatniki roda knyazei Kubenskikh v podklete sobora Novodevich'ego monastyrya [Funerary Monuments of the Kubensky Princes in the Burial Vault of the Main Church of the Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2021. No. 4 (86). Pp. 88–110. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.007

Belyaev, L. A., Topychkanov, A. V. Nadgrobie F. A. Golitsynoi i drugie plity knyazei Golitsynykh XVI–XVII v. v Novodevich'em monastyre [Tombstones of the Princely Family of Golitsyn in the Novodevichy Convent (Moscow), 16th – 17th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2020. No. 2 (80). Pp. 60–77. DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.005

Kavel'makher, V. V. Kogda mog byt' postroen sobor Smolenskoi Odigitrii Novodevich'ego monastyrya? [When Could the Cathedral of the Smolensk Odigitria of the Novodevichy Convent have been Built?]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture. Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* Moscow, 1998. Pp. 154–179.

Kazakova, N. A., Lur'e, Ya. S. Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi [Anti-Feudal Heretical Movements in Rus]. Moscow; Leningrad, 1955. 544 p.

Korzinin, A. L. Inokini iz roda Saburovykh i Godunovykh v Moskovskom Novodevich'em monastyre [The Nuns from the Saburovs and Godunovs Clans in the Moscow Novodevichy Convent]. In *Istoricheskie zapiski.* Moscow, 2021. Vol. 20 (138). Pp. 6–20.

Korzinin, A. L. Itinerarii Solomonii Saburovoi i Eleny Glinskoi [Itineraria of Solomonia Saburova and Elena Glinskaya]. In *Korzinin, A. L., Shishkin, V. V., Konyavskaya, E. L., Matasova, T. A. i dr. Russkie knyagini i ikh dvory v XI–XVI vv.* Moscow; Saint Petersburg, 2023. Pp. 378–408.

Krom, M. M. Vdovstvuyushchee tsarstvo: politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia in the 30–40s of the 16th Century]. Moscow, 2010. 887 p.

Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Monasheskoe imya i fenomen svetskoi khristianskoi dvuimennosti v dopetrovskoi Rusi [Monastic Name and the Phenomenon of Secular Christian Dual Names in Pre-Petrine Russia]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2018. Issue 13. Pp. 241–280.
Matasova, T. A. Sofiya (Saburova Solomoniya (Salomiya) Yur'evna), prp. [Sofia (Saburova Solomonia (Salomia) Yurievna)]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2022. Vol. 65. Pp. 245–252.
Nazarov, V. D. Genealogiya Koshkinykh-Zakhar'inykh-Romanovykh i predanie ob osnovanii Georgievskogo monastyrya [Genealogy of the Koshkins-Zakharyins-Romanovs and the Legend of the Foundation of the St. George Monastery]. In *Istoricheskaya genealogiya.* 1993. No. 1. Pp. 22–31.
Nazarov, V. D., Rykov, Yu. D. Novodevichii monastyr'. Vvedenie [Novodevichy Convent. Introduction]. In *Akty Rossiiskogo gosudarstva. Arkhivy moskovskikh monastyrei i soborov, XV – nachalo XVII vv.* Moscow, 1998. Pp. 267–292.
Pavlov, A. P. Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova. Prosopograficheskoe issledovanie: V 2 t. [Duma and Room People of Tsar Mikhail Romanov. Prosopographic Research: In 2 Vol.]. Moscow, 2019. Vol. 2. 623 p.
Sergii (Spasskii), archbishop. Polnyi mesyatseslov Vostoka. Svyatoi Vostok [Full Menologion of the East. Holy East]. Moscow, 1876. Vol. 2. 700 p.
Shokarev, S. Yu. Tsaritsa Leonida (Sheremeteva): status, udel i pogrebenie [Tsarina Leonida (Sheremeteva): Status, Appanage and Burial]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN. Seriya "Istoriya i filologiya"*. 2023. No. 5 (63). Pp. 41–48. DOI 10.19110/1994-5655-2023-5-41-48
Stanyukovich, A. K., Zvyagin, V. N., Chernosvitov, P. Yu., Elkina, I. I., Avdeev, A. G. Usypal'nitsa roda Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre [Vault of the Romanovs in the Moscow Novospassky Monastery]. Kostroma, 2005. 398 p.
Strel'nikov, S. V. Zemlevladenie v Rostovskom krae v XIV – pervoi treti XVII veka [Land Ownership in the Rostov Region in the 14th – the First Third of the 17th Century]. Moscow; Saint Petersburg, 2009. 359 p.
Uspenskii, B. A., Uspenskii, F. B. Inocheskie imena na Rusi [Monastic Names in Rus]. Moscow; Saint Petersburg, 2017. 340 p.
Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Research on the History of the Class of Serving Landowners]. Moscow, 1969. 583 p.
Zimin, A. A. Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – the First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988. 349 p.

Leonid A. Belyaev
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russia
Alexandr L. Korzinin
North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russia
Seraphim G. Schulyaev
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE BURIALS OF THE ZAKHARYIN FAMILY
IN THE MAIN CHURCH OF THE NOVODEVICHY CONVENT IN THE 16th CENTURY

The article focuses on the burials of members of the old Moscow boyar family of the Zakharyins-Yuryevs in the Moscow Novodevichy Convent. In the burial vault of the Church of Our Lady of Smolensk, along the transverse eastern nave, there were buried Irina (coenobite name Alexandra) Zakharyina, the widow of the boyar Yuri Zakharyich, her son Grigory Yuryevich Zakharyin and his wife Ulyaniya. The most difficult question is how the burial of Irina (Alexandra) Zakharyina, the earliest known burial in a nunnery, is related to the story of the construction of the Smolensk Cathedral. The foundation of the stone church, based on architectural archeology information, dated to the late 1540s. However, the burial of Irina Zakharyina in the burial vault took place at the end of March 1533.
Keywords: Moscow Novodevichy Convent, commemoration, monastic archeology, onomastics, genealogy, Zakharyin-Yuryev family, Russian State of the 16th century